

VIII.

При дворѣ. Графиня Самойлова. Поэзія мадригала и „сердечнаго воображенія“.

Въ томъ-же году, благодаря рекомендаціи Карамзина, Жуковскій пристроился къ двору въ качествѣ учителя великой княгини, и Дмитриевъ поздравилъ его „съ новымъ монаршимъ благоволеніемъ“ (6 сентября 1817 г.). „Должность, мнѣ теперь порученная, есть счастливая должность, отвѣчаетъ онъ ему (20 сентября 1817 г.), не по тѣмъ выгодамъ, которыя могутъ быть соединены съ нею, но по той необыкновенно пріятной дѣятельности, которой она меня подчиняетъ. Для поэта это главное. Имѣю передъ собою цѣль прекрасную, къ которой буду идти безъ всякихъ безпокойныхъ постороннихъ видовъ; могу быть и обезпеченъ на счетъ всего, кромѣ *дома*, и этотъ долгъ привлекательный“. Первая лекція Жуковского состоялась въ Москвѣ 22 октября ¹⁾; въ дневникѣ 27 октября помѣчено: „безъ всякаго безпокойства желанія смотрю на будущее и весь отданъ настоящему. Милая, привлекательная должность. Поэзія, свобода!“ А на другой день такія размышленія: „Чистое счастье дѣлаетъ религіознымъ. Все прекрасное — родня. Каждое прекрасное чувство все оживляетъ въ душѣ: дружбу, поэзію; и все это сливается въ одно: Богъ“. А далѣе: „мы знаемъ здѣсь одно *потерянное* счастье. Счастье — нашъ предметъ, мы имѣемъ здѣсь только тѣнь предмета“.

Карамзинъ пишетъ ему изъ Петербурга шутливо: онъ и жена ищутъ ему невѣсту, но за невѣсту не отвѣчаютъ; „ищемъ, ищемъ. М-ше Левенштернъ у насъ ппла чай, и объ васъ гово-

1) Сл. Русскій Вѣстникъ 1889 г., августъ, стр. 356.

Графиня Софья Александровна Самойлова.

рили; бьется ли сердце?“. А Карамзина приписывает: „Je songe aussi à la promise future. Je suis à la recherche“ (1 ноября 1817 г.). Но „должность“ начинает увлекать его: „Мое положеніе прекрасное. Душа жива. Могу дѣйствовать безъ принужденія, могу дѣйствовать для добра; чувствую, что буду дѣйствовать безкорыстно“ (дневникъ 6 ноября). Тоже въ письмѣ къ Карамзину (8 ноября 1817 г.): „Прошедшее не туманитъ ни сколько моего настоящаго; я люблю свою должность — это большое счастье. Цѣль моя — быть въ ладу съ самимъ собою; постараюсь, до нея достигнувъ, отъ нея не удалиться“¹⁾. „Мое все хорошо, и я радуюсь своею участью, ибо на душѣ легко, и мнѣ весело находить въ этой душѣ одни только теплыя, безкорыстныя желанія и намѣренія, достойныя тебя, Карамзина и Арзамаса“²⁾.

Но въ самомъ-ли дѣлѣ онъ безкорыстенъ? Онъ подвергаетъ себя безошадному анализу: какъ въ дневникѣ 28 іюля 1814 года онъ различалъ въ себѣ всенеднаго и совершеннаго человѣка³⁾, такъ и теперь: точно въ немъ два человѣка, „одинъ (человѣкъ) высокой, чистой, другой — мелочной, слабой“. Какая ему нужда казаться для другихъ не такимъ, каковъ онъ есть, принаравливаясь къ нимъ въ пустякахъ, уважать одобреніе другихъ болѣе своего собственнаго? Онъ не будетъ ни спокоенъ, ни дѣятеленъ „безъ оживительнаго уваженія къ самому себѣ; надобно, чтобы всякой поступокъ производилъ это уваженіе — по чувству и правилу, или по одному только правилу, вопреки самага чувства, но согласно съ долгомъ“⁴⁾.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ себя въ новой обстановкѣ, какъ дома, идеализуетъ ее, очарованъ своею ученицей. „Продолжается ли очарованіе или кроткое удовольствіе сердца?“ спрашиваетъ его въ 1818 г. по этому поводу Карамзинъ, и самъ онъ надѣется, что когда кончатся его „грамматическія занятія, сухія и непоэтическія“, то „и поэзія авось воскреснетъ“⁵⁾. Но поэзія пробиралась и въ уроки грамматики. „On m'avait donné

1) Русск. Арх. 1900 № 9 стр. 38—9.

2) Къ Тургеневу 8 ноября 1817 г.

3) Сл. выше стр. 170.

4) Дневникъ 2 декабря 1817.

5) Къ Димитріеву 22 ноября 1822 г. Въ 1818 году Жуковскій составилъ для вел. княгини *Esquisse de grammaire russe*. St. Petersburg 1818 г. Сл. письмо къ нему Димитріева февраля того-же года.

comme maître Василий Андреевич Жуковский, вспоминала впоследствии его царственная ученица; poète déjà fameux, trop poète pour être bon maître. Au lieu de rester à étudier la grammaire, un mot donnait une idée; l'idée faisait chercher un poème, le poème donnait le sujet d'une conversation, et ce fut ainsi que se passaient presque toutes les leçons; aussi j'appris très mal le russe¹⁾. Онъ же былъ въ своей сферѣ и могъ въ самомъ дѣлѣ сказать о себѣ:

Что выпалъ мнѣ на часть удѣлъ желанный,
Что младости мечты совершены,
Что не вотще довѣренность къ надеждѣ
И что „теперь“ плѣнительно, какъ „прежде“

(Цвѣтъ завѣта 1819 г.)²⁾.

Въ июлѣ 1819 года написано извѣстное намъ обращеніе къ Мойеру и переводъ „Къ Эммѣ“: какъ тому любовью быть, что можетъ миноваться, спрашивалъ онъ свою Эмму и отвѣчалъ вопросомъ: можетъ ли умереть чувство, зажженное небомъ?³⁾. Между тѣмъ въ 1818 г. переведено изъ Гёте: „Новая любовь — новая жизнь“ (Neue Liebe, neues Leben):

Что съ тобою вдругъ, сердце, стало?
Что ты ноешь? Что опять
Закипѣло, запылало?
Какъ тебя растолковать?
Все исчезло, чѣмъ ты жило,
Чѣмъ такъ сладостно грустило;
Гдѣ безопасность, гдѣ покой? ...
Ахъ, что сдѣлалось съ тобой!

.

Я неволенъ, очарованъ;
Я въ неволѣ золотой,
Обезсиленный, прикованъ
Шелковинкою одной;

1) Русская Старина 1896 г., октябрь: Императрица Александра Федоровна въ своихъ воспоминаніяхъ, стр. 32.

2) Можетъ быть, Жуковский, въ самомъ дѣлѣ включилъ въ эти стихи аллюзію на свои личныя отношенія Такъ, кажется, понялъ это и Зейдлицъ, I. с., стр. 113.

3) См. выше стр. 223—4.

*И бѣжать очарованья
Нѣтъ ни силы, ни желанья;
Радъ тоскѣ; хочу любить....
Видно, сердце, такъ и быть!*

У Гёте отгѣнокъ другой: дѣвушка приковываетъ его къ себѣ противъ его желанья,

*Muss in ihrem Zauberkreise
Leben nun in ihrer Weise.
Die Veränderung ach wie gross!
Liebe! Liebe! lass mich los!*

Очень можетъ быть, что стихотвореніе это стоитъ въ какой-нибудь связи съ короткимъ любовнымъ эпизодомъ въ жизни Жуковскаго, на который намекаетъ Ал. Тургеневъ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (12 ноября 1819 г.): Жуковский „неистощимъ въ любовныхъ мечтаніяхъ и настроилъ-было опять душу и любовь свою для поэзіи: *положилъ на ноты звукъ своего сердца или сердечнаго воображенія, и слѣдовательно тоска его по счастью семейственной жизни не совсѣмъ пропала для насъ и для потомства*“.

Жуковскому 36 лѣтъ, и онъ „хочетъ любить“; за нимъ опытъ „романтической любви“, давшей опредѣленныя схемы и его чувству; если кто нибудь возбудитъ въ немъ долю знакомыхъ настроеній, ихъ доскажетъ *воображеніе сердца*, и романъ можетъ повториться снова. Въ этомъ смыслѣ „тоска по счастью семейственной жизни“ могла бы дѣйствительно не потеряться для поэзіи, еслибъ къ природной застѣнчивости Жуковскаго, воспитанной обстоятельствами, не присоединились и разность общественнаго положенія, и придворный этикетъ, и навязанная себѣ роль салоннаго поэта, за которую такъ доставалось Жуковскому отъ его друзей.

Онъ увлекся графиней Софьей Александровной Самойловой, 22-хъ лѣтней красавицей, фрейлиной Императрицы Маріи Оеодоровны. 28—29 іюня 1819 г. онъ воспѣваетъ „Платокъ графини Самойловой“, который она уронила въ воду, катаясь на взморьѣ. *Платокъ* переживаетъ въ воображеніи поэта самыя роскошныя метаморфозы; между прочимъ у петергофскихъ береговъ отдалъ его красавицѣ дельфинѣ.

Но знайте: нашъ дельфинъ вѣдь не дельфинъ-башмакъ,
Тотъ самый, что въ Москвѣ графиня Катерина (rouge la rime)
Петровна вздумала такъ важно утопить
При мнѣ въ большой придворной лужѣ.

Въ концѣ концовъ платокъ „взлетѣлъ на небеса и сдѣлался
комета“.

Черезъ нѣсколько дней (8 іюля 1819 г.) Жуковский шлетъ
В. П. Ушаковой, графинѣ Самойловой и др. „отъ нѣкотораго
жалкаго стихотворца прошеніе“: онъ шесть дней, какъ хво-
раетъ, и „смпренно умоляетъ“ прислать ему

Изъ царскаго земного рая:
Десятокъ вишенъ въ *башмакъ*,
Клубники въ носовомъ *платкѣ*,
Малины въ лайковой *перчаткѣ*.

Просьба была исполнена, о чемъ поэтъ и извѣщаетъ въ не-
давно найденномъ стихотвореніи, подписаннымъ 9-мъ іюля и
обращенномъ къ граф. Самойловой: ему принесли корзину
фруктовъ, онъ принялъ ее „трепетной рукой“,

И мнилось, таинства судьбины
На днѣ лубочныя корзины
Разоблачились для меня,
И жизнь ужъ стала не загадка!
О ты, прелестная *перчатка*,
Тебя я знаю! ты родня
Перчатки той честолюбивой,
Которую поэтъ счастливой
Весной прошедшею, въ Кремлѣ,
Поймалъ на мраморномъ столѣ,
Когда, гордясь сама собою
И въ ссорѣ съ милою рукою,
На волю року отдана,
Глядѣлась въ зеркало она!
А ты, *башмакъ*, ты братъ Дельфину!
Отправивъ брата-близнеца
За странникомъ-*платкомъ* въ пучину
Найди для странника-пѣвца

На сушѣ вѣрную дорогу
 Но какъ тебя назвать, *платокъ*?
 Какъ ты зашелъ въ мой уголокъ?
 Въ часъ добрый! гость, судьбою данный!
 Я знаю, тотъ непостоянный
 Платокъ, измѣнникъ и бѣглець,
 Не можетъ быть твоей роднею!
 Пускай сіяетъ онъ звѣздою, —
 Ты будь *моимъ*! тебѣ пѣвецъ
 Себя отнынѣ повѣряетъ!
 Когда онъ жизнью заскучаетъ,
 И мрачнымъ путь найдетъ земной —
 Лицо закроетъ онъ тобой;
 Подъ сей завѣсою чудесной
 Все станетъ вдругъ опять прелестно
 Для добровольнаго слѣпца!...
 Когда жъ въ страну воображенья
 Сберется полетѣть поэтъ,
 А приемъ и жаркихъ мыслей нѣтъ
 И вялы крылья вдохновенья, —
 Тебя лишь только разостлать,
 Ты будешь коврикъ окрыленной
 И можешь за предѣлъ вселенной
 Пѣвца и музу перемчатъ!

Все это отзывается мадригаломъ во вкусѣ XVIII-го вѣка, даже „воображеніе сердца“ куда то спряталось, но и сердце осталось на мели; мечты разсѣялись.

„Замѣчаніе Перовскаго на мой счетъ, если не справедливое, то по крайней мѣрѣ остерегательное, читаемъ мы въ дневникѣ Жуковскаго 13 августа; нѣтъ ничего опаснѣе, какъ *pas à pas*. Нечувствительно съ верху падаешь на дно. *L'essentiel c'est de ne rien se reprocher*. До сихъ поръ я дѣйствую, кажется, прямо. Пусть *душа ей*, но воля останется моею; *она* принадлежитъ *товарищу*. Лишь бы поскорѣе все, что надобно, высказать. Это бы дало болѣе свободы и вѣрности дѣйствовать“ .

Дѣло идетъ о В. А. Перовскомъ, котораго мы встрѣчали въ кружкѣ близкихъ друзей Жуковскаго; мы съ тобою „два Пилада, два Ореста, можемъ сказать даже два Данона и Пидіаса“ (*sic*), писалъ ему Перовскій послѣ пустяшной раз-

молвки ¹⁾. И вотъ Перовскій признался другу въ увлеченіи графиней Самойловой — и другъ великодушно отступился:

Товарищъ! вотъ тебѣ рука!
Ты другу во-время сказался;
Къ любви душа была близка:
Уже въ ней пламень загорался,
Животворитель бытія,
И жизнь отцвѣтшая моя
Надеждой снова зацвѣтала!
Опять о счастіѣ мнѣ шептала
Мечта, знакомецъ старины....
Любовь мелькнула предо мною.
Съ возобновленною душою
Я къ лирѣ бросился моею,
И подъ рукой нетерпѣливой
Бывалый звукъ раздался въ ней!
И мертвое мнѣ стало живо,
И снова на бездушный свѣтъ
Я оглянулся, какъ поэтъ!...

Но онъ вѣренъ дружбѣ, не забылъ товарища:

Симъ не созрѣвшимъ упованьемъ,
Едва отвѣданнымъ душой,
Подорожу ль передъ тобой?
Сравню ль его съ твоимъ страданьемъ?

Ему знакомы его признаки:

Сии примѣты знаю я!...
Мой жребій далъ на то мнѣ право!

И онъ благословляетъ товарища:

Люби! любовь и жизнь — одно!
Отдайся ей, забудь сомнѣнье,
И жребій жизни соверши;

1) 1824 г. Сл. Вѣстникъ Европы 1901 г., апрѣль: Захарьинъ (Якунинъ).
Дружба Жуковскаго съ Перовскимъ стр. 532.

Она пойметъ твое мученье,
Она пойметъ языкъ души! ¹⁾.

Жуковскій самоотверженно склонился къ платоническому участию въ чужомъ счастьѣ, какъ то было въ судьбѣ Маши и Мойера: его душа—ей, его воля—товарищу. Геній „плѣнитель безыменный“, когда-то усыплявшій мечтами его молодую душу, волновавшій ее томительнымъ желаньемъ, уносившій ее въ высоту „повѣи священнымъ вдохновеньемъ“, поманилъ его снова и улетѣлъ.

О геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши,
Останься, будь мнѣ жизнію земною,
Будь ангеломъ хранителемъ души.

(Къ мимопролетѣвшему знакомому генію 7 августа 1819 г.).

27 августа онъ записалъ въ Дневникѣ: „у Самойловыхъ: приглашеніе въ Петербургъ. Voeux téméraires“.

Но любовь боязливо прячется въ платонизмъ, и снова возникаетъ ученіе о *воспоминаніи*, вѣчномъ для сердца. Интересны въ этомъ отношеніи мысли, набросанныя Жуковскимъ въ альбомъ графини Самойловой 29 августа 1819 г. (Сл. дневникъ подъ тѣмъ-же днемъ).

Первая страница занята стихотвореніемъ Гёте An Lottchen съ нѣкоторыми любопытными пропусками: Жуковскій видимо хотѣлъ обобщить его, приладивъ къ своимъ отношеніямъ. Два раза ему удалось замѣнить имя Lottchen, поставивъ вмѣсто него Liebe (Lottchen, wer kennt unsre Sinnen? Liebe, wer kennt unser Herz?), въ третій разъ ему было труднѣе: онъ оборвалъ стихъ и пропустилъ слѣдующіе, говорившіе о двухъ любящихъ, которыхъ Lottchen дружески привѣтствовала. Разумѣлись Гёте

1) По рукописямъ Жуковского, хранящимся въ Имп. Публ. библиотекѣ стихотвореніе это написано между 10 іюля и 2-мъ августа 1819 г.; въ альбомѣ граф. Самойловой оно внесено Жуковскимъ съ датой 28 іюля 1820 года. Сл. Н. К. Кульманъ, Рукописи В. А. Жуковского, хранящіяся въ библиотекѣ гр. Александра Алексѣевича и Алексѣя Александровича Бобринскихъ, Извѣстія 2-го Отд. Имп. Ак. Наукъ, т. V, кн. 4, стр. 1075 слѣд. Слѣдующія далѣе выдержки изъ записей Жуковского въ альбомѣ гр. Самойловой сл. тамъ-же, стр. 1079 слѣд.

и Кестнеръ; Жуковский опустилъ Перовскаго - Кестнера, — и остался одинъ. Онъ выписываетъ:

Denk ich dein

У Гёте:

Denk ich dein, o, Lottchen, *denken dein die beiden*,
Wie beim stillen Abendroth
Du die Hand *uns* freundlich reichtest,
Da du *uns* auf noch bebauter Flur
In dem Schoosse herrlicher Natur
Manch leicht verhüllte Spur
Einer lieben Seele zeigtest.

Въ концѣ нѣкоторые стихи отброшены:

So fand ich dich und ging dir frei entgegen.
O sie ist werth zu sein geliebt!
Rief ich, erflachte dir des Himmels reichsten Segen,
Der es dir nun in deiner Freundin gibt.

Гёте уступилъ Lottchen - Шарлотту Кестнеру, какъ Жуковский посторонился для Перовскаго. Онъ выписалъ стихъ:

So fand ich dich...,

зачеркнулъ слѣдующій, уже написанный:

O sie ist werth zu sein geliebt;

осгальные два стиха опущены.

На второй страницѣ, подъ печатью съ знакомымъ изображеніемъ фонаря (на черномъ фонѣ бѣлый столбъ съ фонаремъ, кидающимъ свѣтъ), эпиграфъ изъ Теона: „*Все въ жизни къ прекрасному средство*“ и разсужденіе о счастьѣ, повторяющее, съ небольшими стилистическими измѣненіями, мысли и выраженія, знакомыя намъ изъ замѣтки 1815 года въ письмѣ-дневникѣ къ Машѣ и въ альбомѣ Воейковой ¹⁾. Затѣмъ — другой, также знакомый намъ девизъ изъ того-же стихотворенія:

1) Нач. „Я когда то сказалъ: счастье жизни состоитъ не изъ отдѣльныхъ наслажденій.... Прощедшее-же пускай идетъ съ нами рядомъ! Пусть будетъ нашимъ добрымъ, утѣшительнымъ, ободряющимъ спутникомъ“. Сл. выше стр. 196 слѣд., 227, прим. 2.

Для сердца прошедшее вечно!

„Можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что существуетъ только то, чего уже нѣтъ! Будущее можетъ не быть, настоящее можетъ и должно перемѣниться; одно прошедшее не подвержено измѣняемости: воспоминаніе бережетъ его.“ Еще разъ внушается филозофія фонаря, подкрѣпленная афоризмами, которыя Жуковскій бережетъ въ своей „бѣлой книгѣ“: „я называлъ бы каждое прекрасное чувство, каждую высокую, сердцемъ внушенную мысль — Богомъ“¹⁾; „жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служить урокомъ. Цѣль жизни — знать хорошо урокъ свой, чтобы не пристыдить себя передъ верховнымъ учителемъ“ и т. д.²⁾

Со всей этой теоріей мы давно знакомы; выставляется значеніе настоящаго, какъ средства къ прекрасному, но счастье все же въ томъ, что было мило и пережито. Не даромъ вспомнились слова Теона: *Для сердца прошедшее вечно.*

Вечеромъ 15 сентября Жуковскій засталъ у Карамзинныхъ одну Екатерину Андреевну; запись въ дневникѣ: „О Самойловой“. 17 сентября, въ день ангела графини, Жуковскій хотѣлъ подарить ей альбомъ, что и сдѣлалъ, хотя нѣсколько позже; книгу, которая могла-бы ей служить руководствомъ въ чтеніи другихъ; ея пользу онъ знаетъ по собственному опыту: это товарищъ на всю жизнь. Для Маши такой книгой былъ Фенелонъ³⁾, идеалъ Жуковского, — не даромъ Ла Фероннѣ прозвалъ его самого русскимъ Фенелономъ⁴⁾. Къ подарку Жуковскій присоединилъ нѣмецкую біблію и „бѣлую книгу“, назначенную для ежедневныхъ выписокъ изъ бібліи, дополненій изъ прочитаннаго и собственныхъ мыслей. Въмѣсто предисловія Жуковскій набросалъ нѣсколько своихъ размышленій о прекрасномъ, извлекаемомъ изъ опытовъ жизни и изъ самого себя, о женщинѣ и о томъ, что нѣмцы зовутъ Weiblichkeit: простота,

1) См. Дневникъ 1817 г. 28 октября „я бы каждое прекрасное чувство называлъ Богомъ“.

2) Пб. 12 ноября 1817 г.: „Жизнь есть воспитаніе. Все въ ней служить урокомъ. Счастіе жизни — знать хорошо урокъ свой“ и т. д. И. А. Быковъ указываетъ на тождественное выраженіе въ письмѣ Жуковского къ Арбеновой, Русскій Архивъ 1883 г., № 2, стр. 319.

3) Сл. Письмо 29 марта 1815 г., выше стр. 192.

4) Записки А. О. Смирновой I, стр. 67, 228.

безыскусственность глубокаго чувства, стыдливое сіяніе среди немногихъ, принадлежащихъ женщинѣ любовью, въ семьѣ, ибо кругъ ея дѣятельности ограниченъ ¹⁾. Такую Weiblichkeit онъ могъ видѣть въ графинѣ Самойловой; кто запретить мнѣ, пишеть онъ ей въ тотъ же день,

Жить съ вашимъ благомъ, какъ съ мечтой,
Души сопутницей родной,
Желать, чтобъ все, что ваша младость
Такъ общаетъ вамъ, сбылось,
Чтобъ счастье жизни вамъ далось,

Не ничтожное, не пустое:

Кто вашу *душу прочиталъ*,
Тотъ сердца тайнымъ упованьемъ
Иное счастье вамъ создалъ;
Тому любезнѣйшимъ желаньемъ
Сія прекрасная мечта,
И ободряющей звѣздою
Сіяетъ надъ его тропею
Любимой жизни красота!

Ваше сердце навѣрно встрѣтитъ

Прелестъ жизни сей,
И рядъ веселыхъ фонарей
Дорогу вашу всю освѣтитъ!
Пусть друга-ангела рука
Ихъ зажигаетъ передъ вами!
А я, хотя издалека,
За вами слѣдуя глазами,
Васъ буду сердцемъ провожать
И благодарно ихъ считать.

(Графъ. С. А. Самойловой 17 сентября 1819 г.: „Напрасно я мечтою льстился“).

Вечеромъ стихи эти были предметомъ разговора въ салонѣ графини Бобринской; говорили: „C'est touchant. Головная боль и танцы“ заключаетъ свою дневную отмѣтку Жуковскій.

1) Кульманъ, I. с., стр. 1103 слѣд.

7-го октября Жуковскій вписалъ еще нѣсколько страницъ въ альбомъ Самойловой: онъ былъ нѣкоторое время въ нерѣшимости, отдавать-ли ей свою книгу; казалось смѣшнымъ дарить 18-ти лѣтней дѣвушкѣ Библию, утомлять ее совѣтами. „Я посмотрѣлъ на себя глазами свѣта и показался смѣшнымъ самому себѣ. И въ этомъ я виноватъ передъ вами. Въ чистотѣ и безкорыстности моего намѣренія заключено и его оправданіе. Могу быть страннымъ, только не въ вашихъ глазахъ. Если еще не имѣю права сказать: *я знаю васъ*, то могу сказать: *я васъ предчувствую!* То есть я вижу васъ *такую*, какою вы быть можете, въ увѣреніи, что мое предчувствіе сбудется. Эта надежда оправдываетъ и мой выборъ. Къ тому же я и не безъ награды: *помыслить въ слухъ для васъ и вмѣстѣ съ вами о добромъ есть счастье.* Вы не должны жить, какъ живутъ обыкновенно; жизнь ваша должна быть *прекрасною*, а все прекрасное жизни можно выразить однимъ словомъ: *религія.*“ Она необходима человѣку вообще, женщинѣ въ особенности; чѣмъ раньше она войдетъ въ ея жизнь, „когда душа еще въ цвѣту“, тѣмъ лучше: она становится тогда „радостнымъ, безмятежнымъ *бытіемъ внутреннимъ въ отношеніи къ намъ самимъ и дѣятельною любовью въ отношеніи ко всему, что насъ окружаетъ.* И такая только жизнь можетъ быть *вамъ* прилична.... Наша душа, какъ магнитъ, имѣетъ притягательную силу для всего прекраснаго.... Этой притягательной силы въ душѣ вашей много! Давайте ей пищу: все прекрасное прильнетъ къ ней само собою“¹⁾.

Изъ влюбленнаго Жуковскій очутился другомъ. У него было какое то объясненіе съ графиней Самойловой, пишетъ князь Ю. А. Нелединскій-Мелецкій своей дочери (8 октября 1820 г.): онъ выразилъ будто бы сомнѣніе, что она не отвѣчала его дружбѣ и его ухаживаніе приписала другому чувству, которое, впрочемъ, внушить она всѣхъ болѣе можетъ. Она молчала, и у ней показались слезы. Можетъ быть, она плакала съ досады, замѣчаетъ разскащикъ; „и подлинно: какъ? Человѣкъ приходитъ женщинѣ сказать: не подумай, ради Бога, чтобъ я въ тебя былъ влюбленъ!“ А, можетъ быть, и Жуковскій „говорилъ для того, что боится слыть влюбленнымъ: *il craint extrêmement d'être ridicule*“²⁾.

1) Кульманъ, I. с., стр. 1110 слѣд.

2) Хроника недавней старины. Изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго. Спб. 1876 г., стр. 241—2.

Но онъ уже успѣлъ выйти изъ неловкаго *pas-à-pas*, смѣнивъ мадригалъ на серьезное назиданіе. *Amitié amoureuse*, идеаль Жуковскаго, позволяло такія отступленія — въ сторону дружбы ¹⁾. Перовскій, у котораго также оказались какіе то платки и перчатки, взглянулъ на дѣло проще и отрезвился скорѣе. „При семъ посылаю вамъ перчатку и уголокъ платка знакомой вамъ дѣвы, писалъ онъ Жуковскому. Душевно желаю, Василій Андреевичъ, чтобы вы смотрѣли на сіи принадлежности, какъ и я на нихъ смотрѣлъ, какъ на простую тряпку и на простую лайку, и чтобы весна, а особенно горячее лѣто нашли бы васъ совершенно прохлажденнымъ. Горе вамъ, Василій Андреевичъ, если будетъ тому противное. Въ случаѣ (чего, однако же, еще не предвижу), когда почувствуете себя довольно образумившимся, чтобы рѣшительно открыть глаза и уши и очистить голову и сердце, прошу васъ убѣдительноѣйше, Василій Андреевичъ, дайте мнѣ знать черезъ кого-нибудь о сей счастливой перемѣнѣ, дабы мы вмѣстѣ и торжественно предали бы землѣ, водѣ или огню всѣ эти *перчатки, платки, ленточки и фруктовыя косточки*... Ахъ, царь небесный! что это за праздникъ будетъ!... Повѣрьте, что минута, въ которую я увѣрюсь, что вы сдѣлались порядочнымъ человѣкомъ, будетъ пріятнѣйшей въ моей жизни! „Но не мнѣ управлять пѣснопѣвца душой!“ ²⁾ (изъ Графа Габсбургскаго).

Жуковскій ѣдетъ въ Берлинъ, писалъ Карамзинъ Дмитріеву (20 сентября 1820 г.). Увы! онъ влюбленъ, но не женихъ! Ему хотѣлось бы жениться, но при дворѣ не такъ легко найти невѣсту для стихотворца, хотя и любимаго“. „О чемъ грустить

1) Правда-ли, что Жуковскій сдѣлалъ вамъ предложеніе, и вы ему отказали? спрашивалъ Пушкинъ Смирнову; онъ самъ видѣлъ ся милое письмо съ отказомъ. „Чтожь, это совершенная правда, у меня была такая сильная, братская дружба къ Жуковскому, что мнѣ было-бы невозможно выйти за него замужъ“. — „Причина отличная и крайне важная, отвѣтилъ Пушкинъ. Вы знаете, что дружбу зовутъ: любовь безъ крыльевъ. Не слѣдуетъ изъ этого выводить, что всякая любовь должна улетѣть, но она *летитъ надъ землей!* Любовь еще можетъ превратиться въ дружбу, но дружба не превращается въ любовь, по крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе. Любовь — симпатія особаго рода и часто безъ видимой причины. Дружба вызвана причиной, которую можно анализировать. Жуковскій говорилъ мнѣ, что со времени вашего отказа вы стали еще большими друзьями; это дѣлаетъ честь вамъ обоимъ“ Зап. А. О. Смирновой I, стр. 218—9.

2) Вѣстникъ Европы 1901 г., № 4, стр. 533.

Жуковский? спрашивает брата А. Я. Булгаковъ: я бы радвался посмотрѣть бѣлый свѣтъ, онъ же не оставляетъ никакихъ валоговъ въ Россіи. Вольный казакъ!“ (20 октября 1820 г. ¹).

Въ шутиломъ посланіи къ княгинѣ А. Ю. Оболенской того же года Жуковский просилъ ее указать ему путь къ богу „семеjственного счастья“:

Я отъ него благодарнѣй
До сей поры не получалъ,
А что и знаю, то узналъ
Изъ сновидѣній и преданій.

Все это шло въ разрѣзъ съ его недавними мечтами уѣхать въ деревню, къ роднымъ. „Полное созданіе нашей утопіи должно быть отстранено, пишетъ онъ Елагиной; я привязанъ къ своему не одними узами выгодъ, о которыхъ не такъ то много забочусь, но узами лучшими: чистаго уваженія, благодарности всему этому и.... поэзіей, которая.... все еще *копошится и всплываетъ*“.

Въ концѣ ноября 1820 г. графиня Самойлова сдѣлалась невѣстой графа Бобринскаго ²); не къ ней ли относится помѣтка въ Берлинскомъ дневникѣ Жуковскаго подь 25 октября / 6 ноября? Графинѣ Шуваловой писала Ушакова о гатчинскихъ радостяхъ: „X. ³) играла на театрѣ; воображаю, что она была прелестна, и радуюсь, что не видалъ ее. Я говорилъ объ ней и о себѣ съ Шуваловой. Чего я хочу? Ничего болѣе, какъ только, чтобъ она думала обо мнѣ, какъ должно. Далѣе этому идти не надобно. Будешь смѣшенъ и жалокъ. Теперь главное — занятіе, главная надежда — путешествіе, насладиться вполнѣ шестью мѣсяцами; остальное на волю Божию“. Въ Берлинскомъ дневникѣ Жуковский отмѣтилъ подь 23 декабря стар. ст.: „у графини Шуваловой.... письмо Самойловой“. Ея свадьба состоялась 27 апрѣля 1821 г. Неизвѣстно къ какому времени относится

1) Русскій Архивъ 1900 г. декабрь, стр. 558.

2) Сл. Письмо Ал. Тургенева къ князю Вяземскому 17 ноября 1820 г. и дневникъ Жуковскаго подь 28 ноября / 5 декабря.

3) И. А. Бычковъ видитъ въ этомъ X — княжну Хилкову, пѣвшую партію ангела на празднествахъ, бывшихъ въ Гатчинѣ въ 1823 году по случаю пріѣзда невѣсты вел. кн. Михаила Павловича. Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 4 сентября 1831 года кн. Вяземскій говоритъ о слухѣ, будто Жуковский женится на Хилковой. Сл. Русск. Арх. 1900 г. № 3, стр. 363.

коротенькая дѣловая къ ней записка Жуковскаго. Она кончается такъ: „А я здѣсь подписуюсь:

Какъ вы сказали: *старый друг!*
 Животворительное слово!
 Имъ жизнь помолодѣла вдругъ,
 Имъ и все старое, какъ будто стало ново ¹⁾.

„Мы часто говоримъ о тебѣ съ Софіею Бобринскою, сердцемъ тебѣ преданною, писалъ Жуковскому князь Вяземскій въ декабрѣ 1828 года; она хвалится твоими добрыми совѣтами“ ²⁾. Впослѣдствіи князь Вяземскій вспоминалъ о ней, какъ о женщинѣ рѣдкой любезности, спокойной, но неотразимой очаровательности. „Она была кроткой, миловидной, плѣнительной наружности. Въ глазахъ и улыбкѣ ея были чувство, мысль и доброжелательная пріятливость. Ясный, свѣжій, совершенно женскій умъ ея былъ развитъ и освѣщенъ необыкновенною образованностью. Европейскія литературы были ей знакомы, не исключая и русской. Жуковскій, встрѣтившій ее еще у двора императрицы Маріи Θεодоровны, при которой она была фрейлиной, узналъ ее, оцѣнилъ, воспѣвалъ и остался съ нею навсегда въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ“ ³⁾.

Еще одно прекрасное прошедшее стало вѣчнымъ для сердца. Друзья Жуковскаго знали любимое его motto и толковали его съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, можетъ быть, не безъ ироніи. „Души лѣта не уносятъ, если она согрѣвается мыслию и зрѣетъ и совершенствуется бѣдствіями: тогда и прошедшее счастье въ пользу и тогда, и только тогда, для нея *прошедшее вѣчно*“ ⁴⁾.

Мы еще разъ услышимъ этотъ motto, хотя и случайно, но въ обстоятельствахъ, съ которыми онъ какъ-будто не мирится.

Богъ „семейственнаго счастья“, такъ долго обманывавшій поэта, готовился взыскать его на старости лѣтъ. Жуковскій любилъ и, извѣщая (10/22 августа 1840 г.) родныхъ въ Бѣлевѣ о своемъ предстоящемъ бракѣ, вспоминаетъ о своемъ послѣднемъ

1) Сл. Кульманъ, I. с., стр. 1116.

2) Русскій Архивъ 1900 г. Февраль, стр. 207—8. Сл. письмо кн. Вяземскаго Жуковскому 14 апрѣля 1833 года, ib. 1900 г. мартъ стр. 372.

3) Кн. П. А. Вяземскій, Полн. Собр. Соч. т. VII, стр. 223—4.

4) Ал. Тургеневъ къ Ник. Тургеневу 13 октября 1827 г.

свиданіи съ ними въ 1839 году: „я увидѣлъ опять всѣ родныя мѣста, и милые живые и милые мертвые со мной всѣ повидались разомъ; всѣ это совокупилось въ одно, какъ будто-бы для того, чтобы поставить живую грань между всѣмъ прошедшимъ моимъ и будущимъ“. Но эта грань — только къ слову: Жуковский просить родныхъ принять въ свои объятія его „добрую, непорочную Елизавету“ и помышляетъ о житьѣ вмѣстѣ; разумѣется, планъ этого „вмѣстѣ“ долженъ измѣниться, но это „все та-же надежда, которая веселила меня прежде и которая должна непремѣнно со временемъ исполниться, съ тою только разницею, что нашего полку теперь прибыло (какъ бывало мы пѣвали, когда сѣяли просо)“¹⁾.—Передъ отъѣздомъ изъ Москвы Жуковский позвалъ священника, чтобы напутствовать его благословеніемъ при вступленіи во второй періодъ его жизни, когда должно было „осуществиться счастье, лишь снившееся въ первомъ“. Первый періодъ „закончился совершенно“; на лицо при совершеніи обряда, присутствовали его представители: Ек. Ае. Протасова, Елагина, вмѣсто Маши ея дочь, вмѣсто Воейковой ея дочери, но и усопшія не могли не быть въ столь торжественный моментъ, какъ бы благословляя Жуковского на новую жизнь. Когда онъ склонилъ голову подъ евангеліе, которое читалъ надъ нимъ священникъ, онъ услышалъ слова отъ Іоанна (XIV, 1—4): „Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога и въ мя вѣруйте“ и т. д. Слова эти были любимымъ изреченіемъ Маши, ихъ онъ выбралъ эпитафіей для двухъ „родныхъ могилъ“²⁾; они зазвучали съ „того свѣта“, „голоса усопшихъ друзей присоединили свое благословеніе къ благословенію живыхъ“. Слезы выступили невольно, радость и покой водворились въ сердцѣ. „Могъ-ли я лучше распроститься съ своимъ прошлымъ?“ пишетъ онъ своей невѣстѣ³⁾.

Отправляясь въ 1841 году за границу, гдѣ долженъ былъ состояться бракъ, Жуковский устроилъ свои дѣла. Прощаніе съ Мойеромъ въ Дерптѣ было трогательное, паеосъ повышенъ до истеріи. Жуковский подарилъ Мойеру портретъ Маши, картины, изображавшія ея гробницу на дерптскомъ кладбищѣ и гробницу Воейковой въ Ливорно; вдругъ онъ воскликнулъ:

1) Русская Бесѣда 1859 г., III, стр. 17 слѣд.

2) Сл. выше, стр. 247—8.

3) 14/26 марта 1841 г. (неизд.).

„Нѣтъ, я съ вами не разстанусь!“ и, вынувъ ихъ изъ рамъ, сложилъ и велѣлъ отнести въ свою карету. Мойеру онъ оставилъ свой рельефный портретъ, сдѣланный въ Римѣ въ 1833 г. „Береги его и повѣрь словамъ, которыя я вырѣзалъ на немъ: *Для сердца прошедшее вѣчно!*“¹⁾

21 мая 1841 г. Жуковскій женился на Ел. Ал. Рейтернъ, которая была почти на 40 лѣтъ моложе его (род. 19 июня 1826 г.). Въ тихомъ семейномъ пріютѣ, „далеко отъ шума мірскаго.... *милое минувшее.... въ воспоминаніи*“ дружилось „съ настоящимъ“ (къ вел. кн. Маріи Николаевнѣ 1851 г.).

„*Для сердца прошедшее вѣчно*“, повторяющееся на разстояніи 30 лѣтъ въ разныхъ примѣненіяхъ — что это такое? Наивный ли эгоизмъ чувства, лелѣющаго милыя воспоминанія, которыя сплываются для него въ одинъ, довлѣющій себя аффе́ктъ? Въ такомъ случаѣ аффе́ктъ отдѣляется отъ человѣка, его возбудившаго; чувство цѣнится какъ-то отвлеченно, въ самомъ себѣ, какъ честно извѣданное, въ страданіи или надеждѣ; такъ Блудовъ, исповѣдуясь Жуковскому въ своей къ нему дружбѣ, опредѣлялъ ее, какъ „благодарность за (возбужденныя) чувства“, а Жуковскій радовался, что находилъ себя способнымъ чувствовать благодарность. — Или это воображеніе сердца, *herzliche Phantasie* Новалиса, желаніе спасти дѣвственность перваго глубокаго увлеченія, введя въ его колею другое или другія, какъ его отраженія, воскресенія?

Сравненіе съ сердечной судьбой Новалиса, котораго такъ часто сравнивали съ Жуковскимъ, можетъ быть не безинтересно. Рожденный въ строгой гернгутерской семьѣ, въ которой юное поколѣніе вымирало наслѣдственной болѣзнью, съ молода хворый, онъ лелѣялъ, какъ всѣ сентименталисты, надежду на тихое, семейное счастье, мечталъ, влюблялся, сватался, жилъ воображеніемъ. Въ 1794 году онъ увидѣлъ Софію von Kühn, тринадцатилѣтнюю дѣвочку, полуграмотную, неразвитую, выросшую въ средѣ, пошлость которой онъ сознавалъ; но въ этомъ подросткѣ было что-то привлекательное, душевное, и Новалисъ увлекся ею, вложилъ въ нее свое чув-

1) Зейдлицъ I. с. стр. 173—4. Другой портретъ Жуковскаго, подаренный имъ Зейдлицу и недавно воспроизведенный въ Вѣстникѣ Европы (1902 г., май), подписанъ рукой поэта: „Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“ (изъ Камоэнса 1839 г.).

ство, которое она и не испытала. Въ мартѣ 1795 года произошла ихъ тайная помолвка; вскорѣ явились сомнѣнія, илюзии готовы были разлетѣться, но серьезная болѣзнь дѣвочки все поправила: „я люблю ее теперь больше — за ея болѣзнь“, писалъ онъ въ то время. Когда 19 марта 1797 г. Софія скончалась, любовь къ ней окончательно полонила его, любовь мистическая и страстная, съ упоеніемъ отдававшаяся печали, вносящая въ область смерти вождедѣнія жизни. Смерть та-же жизнь; Софія для него еще жива и близка, можетъ ежеминутно реализоваться, онъ ее ждетъ; онъ обязанъ сберечь себя для ея любви — и вживается въ это чувство долга. Оно является для него источникомъ печальнаго наслажденія, предметомъ сознанія и анализа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ-то навязаннымъ, гнетущимъ; фантазмогорія боролась въ немъ съ требованіями жизни, и онъ скорбѣлъ, когда порой они брали верхъ, пока софізмъ чувства, поддержанный философскою теоріей, не помогъ ему выйти изъ противорѣчій — къ грѣзѣ единства.

Таково психологическое содержаніе коротенькаго дневника, который онъ сталъ вести по смерти своей милой, считая дни со дня ея кончины ¹⁾. Онъ полонъ памяти о ней, старается направить къ ней одной свои мысли, не развлекаться въ обществѣ, не отдаваться веселью; часто встрѣчаются упреки самому себѣ, что его фантазія была настроена нѣсколько чувственно. У него явилась мысль покончить жизнь самоубійствомъ, чтобы соединиться съ милой: это его *рѣшеніе*. „Часто вспоминалъ о Софіи, — и моемъ рѣшеніи, записалъ онъ 23-го апрѣля 1797 года; вечеромъ перелисталъ „Ночныя думы“ Юнга. 24-го онъ весь день читалъ Вильгельма Мейстера, „моя любовь къ Софіи предстала мнѣ въ новомъ свѣтѣ.... Рѣшеніе мое прочно. Софіи будетъ лучше и лучше (Sophien wirds besser gehen), слѣдуетъ только все болѣе жить въ ней. Мнѣ по истинѣ хорошо лишь въ воспоминаніи о ней“. 26-мъ апрѣля онъ собой относительно доволенъ: „положимъ, я не вспоминалъ о ней съ чувствомъ, былъ почти веселъ, но все-же не достоинъ ея: порой думалъ о ней, какъ слѣдуетъ, мужественно (männlich). Утромъ было у меня роковое, гнетущее, болѣзненное ощущение

1) См. дневникъ въ Novalis Schriften, hrsg. von Ernst Heilborn I, стр. 267 слѣд. — и, для общаго, его-же: Novalis der Romantiker. Berlin, 1901 г.

ніе наступающаго насморка. Рѣшеніе стояло прочно, но съ умѣренностью и болтливостью хромало“. 2-го мая родители отдали ему нѣсколько бездѣлокъ, принадлежавшихъ покойной, и онъ тронуть, украшаетъ ея могилу цвѣтами, которые наканунѣ получилъ отъ жены Kreisamtmann'a; „къ обѣду они испекли большой крендель“.—Порой онъ представляетъ себѣ Софію рядомъ съ собой на диванѣ, en profil, съ зеленой косынкой на шеѣ; въ извѣстныхъ позахъ и платьѣ онъ легче всего воображалъ ее себѣ (5 мая). Шлегель писалъ ему и прислалъ первую часть своихъ Шекспировскихъ переводовъ. „Послѣ обѣда прогулка, затѣмъ кофе; погода измѣнилась къ худшему, сначала гроза, потомъ облачно и бурно; я былъ настроенъ крайне чувственно. Сталъ читать Шекспира, совсѣмъ въ него вчитался. Вечеромъ пошелъ къ Софіи. Тамъ я былъ въ несказанной радости, были мгновенные проблески энтузіазма. Я сдвинулъ передъ собою могилу, какъ прахъ, вѣка были мнѣ мгновеніемъ, я чувствовалъ ея близость, казалось, она сейчасъ явится“ (13 мая). Въ другой разъ онъ перечитываетъ ея и свои письма и „былъ совсѣмъ съ нею. Я пошелъ погулять въ садъ, досталъ молока; нашелъ нравственную філософію Фергюссона, читалъ на кладбищѣ, гдѣ и выпилъ молоко; затѣмъ снова гулялъ и опять на кладбище“ (16 мая).—Рѣшеніе умереть переживаютъ разныя стадіи: „я не былъ растроганъ у ея могилы; но рѣшеніе страстно; я долженъ жить лишь ради нея, лишь для нея я существую.... Она высшее, единственное. О, еслибъ я каждую минуту могъ быть ея достойнымъ! Моей главной задачей должно быть — все поставить въ соотношеніи къ ея идеѣ“ (18 мая). Его смерть будетъ челоуѣчеству примѣромъ вѣрности: онъ докажетъ людямъ возможность такой любви (19 мая); безъ нея для него нѣтъ ничего на свѣтѣ (20 мая).—Утромъ 21 мая онъ дѣлалъ кое-какія извлеченія изъ Фихте; былъ невообразимо спокоенъ у могилы Софіи, „обсуждалъ рѣшеніе“ (der Entschluss wird beraisonnirt). „Чѣмъ слабѣе становится чувственная печаль, тѣмъ сильнѣе духовная, и развивается какое-то спокойствіе отчаянія. Свѣтъ становится постылѣе, равнодушіе къ окружающему растетъ, тѣмъ свѣтлѣе все вокругъ меня и во мнѣ. Лишь бы мнѣ не умствовать по поводу моего рѣшенія: каждый доводъ разсудка, каждая ссылка (Vorspiegelung) на сердце—признакъ сомнѣнія, колебанія и—невѣрности“ (22 мая). Порой у него является сознаніе, что онъ слишкомъ отдается

самоанализу, что ему необходимо обновиться въ перемѣнѣ впечатлѣній и настроеній (25 мая), но онъ снова впадаетъ въ старую колею: его смерть будетъ доказательствомъ его стремленія къ высшему, настоящимъ самопожертвованіемъ, не бѣгствомъ, не принудительной мѣрой (Nothmittel); ему суждено умереть въ разцвѣтѣ силъ, познавъ все лучшее, познавъ самого себя: *kennen und geniessen* (26 мая); и память его милой обращается у него въ *Genuss*: „печальное наслажденіе ея смертью“ (29 мая). Его интересуется вопросъ, можно-ли умереть отъ растительнаго яда (ib.); его рѣшеніе дается ему легче, чѣмъ онъ думалъ: люди не такъ нужны другъ другу, какъ кажется, его смерть не произведетъ того впечатлѣнія, какого онъ опасался (1 и 2 іюня). Въ отмѣткѣ 3—5 іюня говорится о сомнѣніяхъ, безконечныхъ сомнѣніяхъ, отъ которыхъ онъ хочетъ спастись въ страстномъ культѣ своей печали: „кто бѣжитъ печали, болѣе не любить. Любящій обязанъ вѣчно ощущать утрату, вѣчно держать рану открытою. Да сохранить мнѣ Господь эту невыразимо-сладостную скорбь, грустное воспоминаніе, бодрое чаяніе (*Sehnsucht*), мужественную рѣшимость и твердую, какъ желѣзо, вѣру. Безъ Софіи я ничто, съ нею все“ (6 іюня). Онъ хочетъ умереть радостно, какъ молодой поэтъ (11 іюня); „она умерла, умру и я, свѣтъ опустѣлъ; даже мои философскія замѣтки не должны болѣе отвлекать меня: въ глубокое, ясномъ спокойствіи стану ждать мгновенія, когда меня позовутъ“ (12—13 іюня).

Съ 16 іюня по 6 іюля въ дневникѣ всего четыре помѣтки. Въ концѣ первой: „*Christus und Sophie*“; Новались читаетъ Шеллинга и ведетъ серьезные разговоры о самоубійствѣ.—Для 1798 г. дневникъ не сохранился, и всего одна записъ 14 апрѣля 1799 года.

Можетъ быть, уже въ 1798 году начаты Новалисомъ его „Гимны къ Ночи“, послѣдняя обработка которыхъ относится, судя по его письму къ Шлегелямъ въ январѣ 1800 г., къ концу предыдущаго: восторженные гимны къ любви и смерти и юнговской „ночи“, въ которыхъ отложились патологическія настроенія и видѣнія „дневника“. Мы узнаемъ тѣ-же образы: поэтъ стоитъ у могилы, въ которой похоронилъ свою жизнь (*die Gestalt meines Lebens*), одинокій, подавленный, безсильный. Онъ ищетъ помощи, озирается, когда „изъ голубой дали, съ высотъ моего былого блаженства, забрежжило; въ одинъ мигъ

порвались узы рожденія и свѣта, исчезла земная краса (Heuglichkeit), а съ нею и моя печаль. Печаль растворилась въ новомъ, несказанномъ свѣтѣ: это ты сошло на меня, вдохновеніе ночи, сонъ неба! Вся окрестность тихо поднялась, и надъ ней парилъ мой, освободившійся, новорожденный духъ. Могильный холмъ обратился въ облако пыли, и сквозь облако я увидѣлъ просвѣтленныя черты моей милой. Въ ея очахъ покоилась вѣчность, я схватилъ ея руки, и слезы стали мнѣ сіяющей, нерушимой связью. Тысячелѣтія проходили въ даль, точно грѣзы, я же пролпвалъ на ея груди блаженныя слезы на встрѣчу новой жизни. Это былъ первый въ ней сонъ; онъ миновалъ, но отблескъ остался: вѣчная, незыблемая вѣра въ ночное небо и его солнце — мою милую“.

Между тѣмъ, какъ любовь къ Софіи идеализовалась въ *Hymnen an die Nacht*, Новались былъ уже влюбленъ и помолвленъ, со второй половины 1798 года, съ Юліей Шарпантье. Она приняла участіе въ его сердечномъ горѣ, ея болѣзнь разшевелила его чувствительность; по отзывамъ современниковъ она была красивая дѣвушка, нѣжное созданіе, съ грустнымъ выраженіемъ лица. Поэтъ пошелъ на встрѣчу новому счастью, несостоявшемуся за его смертью (25 марта 1801 г.), но записалъ въ дневникѣ 15 апрѣля 1800 года: „Тихая грусть (Wehmuth) характеризуетъ настоящую любовь — элементъ стремленія (Schnsucht) и соединенія. На свѣтѣ много цвѣтовъ незнакомаго происхожденія, въ нашемъ климатѣ они не произрастаютъ, они вѣстники, глашатаи лучшаго существованія. Къ этимъ цвѣтамъ относится особенно религія и любовь“. — Въ „фрагментахъ“ Новались читаемъ слѣдующій: „у меня къ Софіи (Sophie) религія, не любовь. Абсолютная любовь, независимая отъ сердца, основанная на вѣрѣ — религія“.

Друзей поэта, знавшихъ интимную подкладку его *Hymnen an die Nacht*, его новое увлеченіе не удивило: Софія по прежнему владѣла его сердцемъ въ лицѣ Юліи, Юлія была ея *возрожденіемъ*.

Въ неконченномъ романѣ Новались (Heinrich von Ofterdingen), развязку котораго мы знаемъ изъ сообщеній его пріятели Тика, авторъ пересказалъ отчасти исторію своего сердца. Генрихъ фонъ Офтердингенъ влюбился въ дочь Клингсора, Матильду. „Насъ не разлучить даже смерть! говоритъ онъ ей. — Не разлучить, Генрихъ! Гдѣ будешь ты, тамъ и я. — Да, Ма-

тильда, я вѣчно буду съ тобою.—Я не знаю, что такое вѣчность, но мнѣ кажется, что чувства, которыя я испытываю, когда думаю о тебѣ, это и есть вѣчность!— Да, Матильда, мы вѣчны, потому что любимъ другъ друга“. Матильда утонула, Генрихъ неутѣшенъ, но она предстала ему въ видѣннн, слышится ея голосъ: Не печалься, я съ тобою; ты еще пробудешь нѣкоторое время на землѣ, но одна дѣвушка будетъ утѣшеніемъ тебѣ, пока ты не умрешь и не пріобщишься къ нашему блаженству. Печаль утраты миновалась вмѣстѣ съ чувствомъ одиночества и душевной пустоты, осталось тихое, глубокое чаяніе, томленіе; „будущее и прошедшее сошлись въ немъ, вступивъ въ тѣсный союзъ; онъ былъ внѣ настоящаго, и свѣтъ сталъ ему милѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ ощутилъ себя въ немъ странникомъ на короткій срокъ, осужденнымъ бродить по его пространнымъ, разноцвѣтнымъ палатамъ.“— „Я знаю, ты Матильда, ты цѣль моихъ желаній, поетъ Генрихъ; не дожидаясь дерзкаго вопроса, ты мнѣ откроешь, когда я предстану передъ тобою. Я готовъ еще разъ на тысячу ладовъ прославить чудеса земли, пока ты не придешь обнять меня“. Дѣвушка, о которой говоритъ Матильда, дѣйствительно является; ей имя Суане, она посылаетъ Генриха въ какой то таинственный монастырь, гдѣ монахи—„служители священнаго пламени въ юныхъ сердцахъ“, гдѣ Генрихъ ведетъ бесѣды о магіи и смерти, участницѣ жизни, открывающей ея смыслъ. А затѣмъ онъ на тысячу ладовъ испытываетъ чудеса земли: впечатлѣннн Италіи и Греціи, востока и Германіи пережиты имъ снова, послѣ чего онъ возвращается къ себѣ, или въ себя, „на родину своей души“, въ сознаніи того, что ожидаемое исполнилось, въ чаяннн внутренняго „преображенія“. Міръ фантазіи сливается съ дѣйствительностью, прошедшее съ настоящимъ. Генрихъ снова съ Матильдой, но Суане— та же Матильда; все предыдущее было смертью, послѣднимъ сновидѣннемъ— и пробужденіемъ.

Такъ спасало „воображеніе сердца“ объективное единство своей любви; воображеніе романтика, философа и мистика, сумѣвшаго соединить воззрѣннн Фихте, Hemsterhuis'a и John'a Brown'a съ измышленннми Якова Бѣме; жившаго фантазіей въ мірѣ чудесныхъ соотвѣтствій жизни и смерти, сказки и дѣйствительности, прошедшаго и настоящаго, міровыхъ и психическихъ процессовъ. Въ этой фантастикѣ была извѣстная система, опредѣлявшая цѣльность поэтическихъ замысловъ;

„сердцу прошедшее вѣчно“ также подсказано „сердечнымъ воображеніемъ“, но это сентиментальный афоризмъ, уныло повторяющійся, нигдѣ не сгустившійся въ опредѣленный образъ, успокоивающій сознаниемъ, что тѣ „свѣтлыя минуты, въ которыя мы жили сердцемъ, созданнымъ для прекраснаго, высокаго и добраго“, были минутами—„божественнаго откровенія“¹⁾).

Въ 1843 г. Жуковский поднесъ великой княгини Александрѣ Николаевнѣ свой пересказъ „Наля и Дамаянти“ съ посвященіемъ. Ему былъ сонъ, рядъ сбывшихся сновъ. Дерптъ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ прусскую принцессу при торжественномъ ея приѣздѣ, обратился въ цвѣтущую долину Капмира; „былъ вечеръ тихъ“, вмѣею безконечной вился въ долину блестящій ходъ, и звуки торжественнаго марша наполняли душу поэта „сладкой грустью“; въ паланкинѣ сидѣла царевна молодая, невѣста сѣвера. Затѣмъ другое сновидѣнье: поэтъ въ „царевомъ домѣ“, и кажется ему, что годы пролетѣли надъ нимъ мгновенно, оставивъ „воспоминаніе какихъ то свѣтлыхъ временъ, чего-то чудеснаго, какой-то волшебной жизни“. Новая греза переноситъ его въ его недавнее спокойное счастье, въ уютный домикъ на берегу Рейна, къ „молодой хозяйкѣ“, по-други, данной Богомъ на освященіе его сердца. Настоящее пребивается воспоминаніемъ, словами знакомой эпитафіи:

Я чувствую глубоко тотъ покой,
Котораго такъ жадно здѣсь мы ищемъ,
Не находя нигдѣ; я слышу голосъ,
Земныя всѣ смиряющій тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Онъ говоритъ мнѣ, *вспруй въ Бога, вспруй*
Въ меня. Мнѣ было суждено своею
Рукой на двухъ родныхъ земной судьбиной
Разрозненныхъ могилахъ тѣ слова
Спасителя святыхъ написать;
И вотъ теперь, на вечерѣ моемъ
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной страницѣ
Ихъ пишутъ для меня, дабы потомъ
На гробовой гостепримный камень

1) Изъ первой записи въ альбомѣ Самойловой.

Перенести въ успокоеніе скорби,
Въ воспоминаніе земного счастья,
Въ вознагражденіе любви земныя
И жизни вѣчныя на упованье.

Затѣмъ фантазія снова вступаетъ въ свои права

другъ минувшихъ лѣтъ
Поэзія ко мнѣ порой приходитъ,
Разказами досугъ мой веселитъ.
И живъ въ моей душѣ тотъ свѣтлый образъ,
Который такъ ее очаровалъ
Во время оно....

Созданьемъ

Мечты, какой-то областью воздушной
Лежитъ вдали минувшее мое;
И мнится мнѣ, что благодатный образъ,
Мной встрѣченный на жизненномъ пути,
По прежнему оттуда мнѣ сіяетъ.
Но онъ ужъ не *одинъ*, ихъ *два*: и прежній
Въ коронѣ, а другой въ вѣнкѣ живомъ
Изъ бѣлыхъ розъ, и съ прежнимъ сходенъ онъ,
Какъ распвѣтающій съ распвѣтшимъ цвѣтомъ,
И на меня онъ свѣтлый взоръ склоняетъ
Съ такою же привѣтною улыбкой,
Какъ тотъ, когда его во снѣ я встрѣтилъ.
И имя имъ одно. И нынѣ я
Тѣмъ милымъ именемъ послѣдній цвѣтъ,
Поэзіей мнѣ данный, знаменую
Въ воспоминаніе всего, что было
Сокровищемъ тѣхъ свѣтлыхъ жизни лѣтъ,
И что теперь такъ сладостно чаруетъ
Покой моей обвечерѣвшей жизни.

Зейдлицъ толковалъ послѣднее сновидѣніе такъ, будто „поэтизируя свою настоящую жизнь, желая быть счастливымъ, Жуковский стремится *уподобить образъ жены съ образомъ идеала своей юности и зрѣлыхъ лѣтъ — Машин*“ 1). Это дѣйствительно на-

1) I. с. стр. 189.

помнило бы намъ мистику Новалиса; но здѣсь произошло другое, болѣе внѣшнее сближеніе: сіяютъ два образа; у Жуковскаго родилась дочь Александра (30 октября 1842 г.), „расцвѣтающій цвѣтокъ“; поэма посвящена великой княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ, она „въ коронѣ“; „имя имъ одно“.

„Сердечное воображеніе“ не знаетъ предѣловъ. Когда Новалисъ измѣнилъ своимъ республиканскимъ убѣжденіемъ, онъ воспѣлъ не только монархію, но и Берлинскій дворъ, такъ же искренне все идеализуя и всюду открывая старыя и новыя соотвѣтствія: любовь принципъ брака — и государства, государство — бракъ; либо монархъ — солнце, какъ солнце создаетъ вокругъ себя свѣтовую атмосферу, такъ вокругъ монарха естественно образуется блестящая, поэтически настроенная среда — не искусственный, а непринужденный, разумный этикетъ.
